

УДК 316.4

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143

Особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье

*Органа Доржуевна Натсак*¹

¹ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат философских наук

ORCID: 0000-0003-1833-4810. E-mail: nod695596@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Натсак О. Д., 2021

Аннотация. В статье представлен анализ специфики гендерных асимметрий в тувинской семье в контексте российских социологических исследований семьи. На основе изучения гендерных аспектов социодемографического развития региона выделены современные тренды в трансформации гендерных отношений в семье под влиянием экономических факторов, прежде всего рынка труда и занятости. Представлен гендерный анализ возможных рисков, связанных с понижением роли и статуса мужчины в семье и обществе.

Ключевые слова: российские исследования семьи, тувинская семья, гендерные роли, гендерная асимметрия, модели семьи, занятость, социальный статус, уровень образования, доход

Для цитирования: Натсак О. Д. Особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 120–143. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143

UDC 316.4

Gender Asymmetries of Modern Tuvan Family Revisited

Organa D. Natsak¹

¹ Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research
(4, Kochetov St., Kyzyl 667000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Scientific Secretary
ORCID: 0000-0003-1833-4810. E-mail: nod695596@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Natsak O. D., 2021

Abstract. *Goals.* The article attempts an analysis of gender asymmetries in Tuvan family in the context of Russian sociological studies of the family. *Results.* The study of gender aspects inherent to the sociodemographic development of the region identifies the current family gender-related transformation trends resulting from economic factors, primarily that of labor market and employment. The article presents a gender analysis of possible risks associated with the reduced role and status of man in the family.

Keywords: Russian family studies, Tuvan family, gender roles, gender asymmetry, family models, employment, social status, education level, income

For citation: Natsak O. D. Gender Asymmetries of Modern Tuvan Family Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 2. Pp. 120–143. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143

Введение

В глобальном мире институт семьи претерпевает серьезные изменения. Трансформация статусно-ролевых позиций мужчин и женщин в семье и обществе достаточно активно исследуется в рамках социологии семьи, социологии женщин и экономики семьи. За последние три десятилетия в отечественной науке появилось достаточно много работ по социологии семьи, гендерной социологии, экономике семьи. Комплексные представления о направлениях современных российских социологических исследований семьи дают работы В. В. Солодникова, Т. А. Гурко [[Солодников 2018](#); [Гурко 2018](#)].

Если резюмировать современные исследования, которые использованы в качестве теоретико-методологической основы на-

стоящей статьи, можно вывести несколько концептуальных подходов:

- институциональные изменения семьи ведут к таким кризисным явлениям, как малодетность, высокие показатели разводимости, разобщенность поколений. Это так называемая кризисная концепция семьи, которой придерживаются А. В. Синельников и ряд других авторов [[Синельников 2015](#); [Левая 2014](#)];
- семья как институт претерпевает не кризис, а трансформацию, разнонаправленные изменения, проявляющиеся в росте традиционализма, с одной стороны, и модернизации — с другой. Трансформируются гендерные отношения и роли в семье [[Мирошниченко 2007](#); [Галкина 2015](#); [Доброхлеб, Баллаева 2018](#); [Иванова, Устинова 2016](#); [Кабайкина, Сущенко 2017](#); [Задворнова 2011](#)];
- несмотря на усиливающиеся эгалитарные тенденции в российской семье, все же нагрузка на работающей женщине в домашнем труде из-за «двойной занятости» и даже «тройной занятости» остается высокой [[Барсукова, Радаев 2000](#); [Задворнова, 2014](#)].

Необходимо упомянуть также о региональных исследованиях по проблемам семьи и брака, которые, безусловно, показывают этнорегиональное разнообразие, мультикультуральность, вариативность социальных практик в современной России [[Казенин, Козлов, Митрофанова 2020](#); [Галиева 2010](#); [Михайлова, Попова, Мигалкина 2020](#)].

В Республике Тыва не так много было исследований по социологии семьи — гендерная социология, социология семьи как актуальные исследовательские направления находятся на начальном этапе своего развития в регионе. Попытки социологического анализа гендерных вопросов были предприняты лишь в работах Ч. М-Х. Тензин [[Тензин 2018](#); [Тензин 2012](#)].

Гендерный профиль регионального рынка труда, гендерные асимметрии в уровне доходов, социальном статусе и социальной мобильности, их причины, дифференцированный вклад супругов

в экономику семьи, статусно-ролевое распределение в современной тувинской семье — эти вопросы остаются пока вне исследовательского внимания и требуют комплексного изучения на основе накопленного в зарубежной и отечественной социологической науке теоретико-методологической базы и инструментария.

Рассмотрение этих вопросов в Республике Тыва важно не только из-за необходимости фиксации, анализа тех процессов, которые происходят в регионе с национально-этническими особенностями, но и практической неизученностью социогендерных процессов, отсутствием исследований по поколенческим различиям социальных статусов в тувинских семьях.

Социологические исследования семьи, проведенные в Туве, также малочисленны. Предметным полем этих исследований являются семейно-брачные отношения, брачное поведение, ценностные ориентации современных тувинских семей [Карашпай и др. 2018].

Комплексные социологические исследования в Туве, которые фиксировали интенсивность социальных процессов в целом, включая социальную мобильность мужчин и женщин, представленность коренного населения в разных социально-профессиональных группах, как когнитариат, специалисты, рабочие, проводились в конце 1970-х гг. [Очерки 1983].

После длительного перерыва в постсоветский период первым масштабным исследованием экономики домохозяйств и причин бедности в Туве была работа группы социологов Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (далее — ФНИСЦ РАН) под руководством З. Т. Голенковой [Особенности социальной стратификации 2019], в ходе которой были собраны весьма ценные данные по социально-демографическим характеристикам мужчин и женщин в брачных парах.

Целью данной статьи является изучение соотношения характеристик мужей и жен в тувинской семье по показателям занятости, по уровню образования, профессиональному статусу и уровню доходов в контексте аналогичных характеристик российских семей.

Для достижения поставленной цели поставлены следующие задачи: проанализировать сравнительные статистические социально-демографические показатели Республики Тыва и Российской Федерации; провести вторичный анализ имеющихся массивов данных в целом по России и Республике Тыва, выстроить типологизацию семей по показателям занятости, по уровню образования, профессиональному статусу и уровню доходов, определить социокультурные, этнические и экономические факторы, которые влияют на современные характеристики мужей и жен в тувинской семье.

Объектом анализа выступают брачные пары в Республике Тыва. Эмпирическую базу исследования составили массивы данных двух исследований: Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (далее — РМЭЗ НИУ ВШЭ), проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (далее — НИУ ВШЭ) и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН 2018 г. [[РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018а](#)],¹ и исследования социальной стратификации в Республике Тыва, проведенного в 2019 г. ФНИСЦ РАН [[Особенности социальной стратификации 2019](#)]. Из указанных двух массивов были отобраны характеристики брачных пар.

РМЭЗ НИУ ВШЭ представляет собой лонгитюдное обследование домохозяйств, состоящее из серии ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки, разработанной при участии ведущих мировых экспертов в этой области. Автором были использованы данные 27-й волны исследования (2018 г.) с точки зрения соотношения характеристик мужей и жен в брачных парах (семье) по четырем параметрам: занятости, уровню образования, профессиональному статусу, уровню дохода. Всего в рамках 27-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ было опрошено

¹ Данные обследования [[РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018б](#)].

12 161 респондентов, из них взрослых — 10 312 чел., состоящих в браке — 4 996 чел, семей — 2 343. Из этих данных были отобраны лишь брачные пары. Таким образом, объектом вторичного анализа выступили 2 343 семей из данного мониторинга.

Для сравнения по вышеуказанным параметрам тувинских семей с российскими семьями были привлечены данные исследования социальной стратификации в Республике Тыва 2019 г., в котором была использована модель многоступенчатой стратифицированной выборки на основе статистических данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва по численности постоянного населения на 1 января 2019 г. и в среднем за 2018 г. по городским округам и муниципальным районам Республики Тыва и распределению численности населения Республики Тыва по полу и возрасту на начало 2019 г. Были получены сведения о 1 243 домохозяйствах, а общее число членов домохозяйств равнялось 4 889 (включая несовершеннолетних детей). Сведения были получены путем формализованного интервью по опроснику, состоящему из 5 блоков вопросов о домохозяйстве, доходах домохозяйства, расходах домохозяйства, материальном положении домохозяйства и социальной поддержке [Горина 2019: 18–28]. Для вторичного анализа из этих данных автором были отобраны сведения о 916 брачных парах.

Выбор этих массивов данных обусловлен тем, что, во-первых, они репрезентативны по своим генеральным совокупностям, выборки большие, во-вторых, опрошены семьи, в которых получены данные и по мужу и по жене. Не претендуя на абсолютную точность и признавая, что подвыборки не гомогенны для сравнения, автором использованы данные двух массивов для определения общего и особенного в характеристиках мужей и жен в тувинских и российских семьях по таким показателям, как занятость, уровень образования, профессиональный статус и доход.

Занятость

Анализ общемировых тенденций с точки зрения влияния брака на доли мужчин или женщин на рынке труда показывает, что в

мире брак обычно увеличивает долю мужчин среди занятого населения и имеет обратный эффект для женщин [Прогресс женщин 2019: 17].

В российской социологической литературе достаточно широко распространены утверждения социологов о том, что сложившаяся еще в советский период горизонтальная и вертикальная гендерная сегрегация рынка труда сохраняется и сейчас, несмотря на то, что женщины более образованы, они сталкиваются с феноменом «стеклянного потолка» в своем карьерном продвижении как в структурах власти, так и в корпоративном мире и ущемлены в уровне оплаты труда по сравнению с мужчинами, имеющими аналогичный уровень квалификации и опыта [Тюрина 2002; Ефимова 2013; Роцин, Солнцев 2006; Шепелева 2016; Гуриева, Белова 2019].

Речь идет об устойчивых гендерных асимметриях в сфере профессиональной занятости в пользу мужчин, которые подтверждаются также данными официальной статистики. Однако ситуация может постепенно меняться, а в отдельных регионах — быть противоположной устоявшемуся тренду. В Республике Тыва гендерная асимметрия рынка труда имеет преимущественно женский профиль.

Анализ массива данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ 2018 г. по 969 брачным парам показывает, что в 41,3 % семей работают оба супруга, работает только мужчина в 20,9 %, только женщина — в 9,6 %, и оба не работают в 28,3 % семей. Анализ массива данных, собранных группой исследователей из ФНИСЦ РАН в 2020 г. в Республике Тыва, продемонстрировал практически идентичный процент семей, в которых оба супруга работают, — 41,8 %; процент тувинских семей, в которых оба супруга не работают, ниже, чем таковые по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, — 18,9 % против 28,4 %.

С точки зрения интересующего нас вопроса гендерных асимметрий мы видим существенные отклонения регионального значения показателя в части работающих женщин, которые являются единственными приносящими гарантированный доход от постоянной работы членами супружеских пар — в 26,3 % обследован-

ных тувинских семьях работает только женщина, что более чем в два раза превышает аналогичный показатель по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ. В 13,0 % семей работает только мужчина, что ниже российского показателя на 7 процентных пункта.

Статистика показывает следующий расклад. Уровень занятости по полу в республике за 2019 г. показывает разницу в 2,7 % между мужчинами (46,0 %) и женщинами (48,7 %), однако величина разрыва между безработными мужчинами и женщинами выше, чем величина гендерного разрыва среди занятых. Состав безработных по полу в Туве распределяется следующим образом: мужчин — 61,5 %, женщин — 38,5 %. Такая тенденция, когда в составе безработных больше мужчин, чем женщин, характерна в целом для России: в 2019 г. среди безработных было 53,3 % мужчин и 46,7 % женщин, в Сибирском федеральном округе (далее — СибФО) — 52,5 % мужчин, 47,5 % женщин. Разница лишь в величине разрыва. При этом среди регионов СибФО наибольшая разница между мужчинами и женщинами в составе безработных наблюдается не в Республике Тыва, а в Томской области [[Регионы России 2020](#)]. Ситуация, при которой мужская безработица превышает женскую, может свидетельствовать о преобладании в структуре региональной экономики таких феминизированных страт, как социальная бюджетная сфера.

В 26 % обследованных ФНИСЦ РАН семей в Туве, в которых работает лишь женщина, мужчины могут иметь деформированный трудовой статус, будучи занятыми в неформальном секторе.

Следует указать на то, мужская безработица — это достаточно длительно продолжающиеся последствия разрушения региональной экономики, начавшиеся в 90-е гг. XX в. В период постсоветских социально-экономических трансформаций адаптационные способности женщин оказались выше, чем у мужчин, и условий для адаптации было больше в сети социальных учреждений, в которых были заняты женщины, чем в индустриальном секторе, в сфере строительства и сельском хозяйстве, где преимущественно были заняты мужчины. И сегодня ситуация не изменилась кардинально. Распределение среднегодовой численности в про-

центах от общей численности занятых по видам экономической деятельности в Республике Тыва по данным Росстата за 2019 г. показывает, что наибольшее количество занятых сосредоточено в нематериальных секторах экономики, таких как образование (23 %), здравоохранение и социальные услуги (12,1 %), в которых преимущественно трудятся женщины, и гораздо меньше в «мужских» отраслях (сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство — 7,2 %, строительство — 4,1 %, обрабатывающее производство — 3,4 %) [Регионы России 2020: 168–169]. Такое распределение объясняется также меньшей долей частного бизнеса в структуре экономики.

Для понимания изменения экономической активности мужчин обратимся к количеству работающих в некоторых отраслях экономики, таких как строительство, промышленность, сельское и лесное хозяйство, в разные этапы развития Тувы.

Таблица 1. Численность занятого населения по отраслям экономики (тысяч человек)

№	Отрасль экономики	1945	1950	1960	1970	1980	1990	2000
1	Строительство	0,2	1,0	5,7	10,2	13,1	18,6	4,1
2	Промышленность	0,9	2,7	4,8	12,8	16,8	16,5	8,5
3	Сельское хозяйство, лесное хозяйство	1,0	2,3	5,9	27,8	30,4	28,7	16,8

Источник: таблица приведена на основе данных из: [Юбилейный статсборник 2014: 24].

Пиковые значения по количеству занятых в данных отраслях наблюдались в 1980 г., в строительстве — к 1990 г., затем идет резкий спад. Полагаем, что именно в период между 1990 и 2000 гг. были массовые потери «мужских» рабочих мест. Показатели занятости в целом и мужской занятости в частности, достигнутые в 1980-е гг. в силу особенностей советской экономики, вряд ли будут вновь достигнуты на современном этапе. Несмотря на снижение количества безработных в республике за последние годы (2017 — 23,1; 2018 — 18,8; 2019 — 14,4), показатели напряженно-

сти на региональном рынке труда сохраняются, и 61,5 % безработных составляют мужчины, 38,5 % — женщины [Регионы России 2020: 195].

В таких регионах, как Республика Тыва, где безработица преимущественно имеет «мужское лицо», нужны специальные программы поддержки экономической активности мужчин-отцов. Такие программы необходимы для укрепления экономической роли мужчин в семье, авторитета мужа и отца, позитивной жизненной стратегии у мужчин в семье и обществе.

Уровень образования

Уровень образования детерминирует степень включенности индивида в разные сферы жизни общества и его социально-экономический потенциал. От него зависит во многом и социальный статус, мобильность конкретного человека, его роль в обществе и семье.

Вторичный анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018 г. и исследования ФНИСЦ РАН 2019 г., зафиксировавших образовательный уровень супругов в российских семьях и в тувинских брачных парах, позволяет типологизировать супружеские пары следующим образом: 1) семья, в которой уровень образования выше у мужа; 2) семья, в которой уровень образования выше у жены; 3) семья, в которой у супругов равный уровень образования. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018 г. в первый тип семей вошло 17,4 % семей, во второй — 36,0 %, в третий — 46,6 %. Асимметричных семей больше — 54,4 %, внутри таких брачных пар наблюдается преобладающая частота более высокого уровня образования у женщин, чем у их супругов.

Анализ данных исследования ФНИСЦ РАН в Республике Тыва показывает примерно такую, но все же отличительную картину: в асимметричных тувинских семьях процент мужчин, чей образовательный уровень превышает уровень женщин, гораздо меньше (9,2 %), чем в семьях, вошедших в РМЭЗ НИУ ВШЭ (17,4 %). Практически одинаковая доля семей как по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, так и по данным исследования ФНИСЦ РАН, в которых по уровню образования лидируют женщины, — 36,0 % и 36,6 % соответственно.

Выявленные факты лидирования тувинских женщин по уровню образования по сравнению с мужчинами требуют осмысления и научной интерпретации. Для этого нужно выйти за рамки брачных пар и посмотреть историю вопроса в разрезе мужского и женского населения в целом.

Как показывают Т. А. Гурко и М. С. Мамиконян, динамика образовательной гомогамии различна в разных странах, при этом фиксируется и тенденция образовательной гетерогамии, поскольку для современного брака на первом месте стоят эмоциональные компоненты. На основе анализа работ зарубежных исследователей данные авторы отмечают, что сходный уровень образования супругов был важен в индустриальный период, когда образование было основным ресурсом для социально-экономического статуса; в постиндустриальный период стала возрастать гетерогамия, поскольку уровень жизни стал относительно высоким у большинства [Гурко, Мамиконян 2018: 210].

В России, как и во многих странах мира, по мнению ученых, женщин с высшим образованием больше, чем мужчин, и эта тенденция будет усиливаться [Гурко, Тарченко 2019: 107–108]. Как указывают Т. А. Гурко и В. С. Тарченко, влияние образовательной гипогамии на распределение семейных ролей и рождаемость — одна из тем, интересующих современных исследователей [Гурко, Тарченко 2019: 108].

В Туве история образовательной гипогамии достаточно уникальна. С момента создания самостоятельного государства — Тувинской Народной Республики в 1921 г. тувинским женщинам пришлось догонять мужчин в сфере грамотности и получения образования. К 1940 г. уже 86,5 % тувинских женщин были грамотными. После присоединения Тувы к СССР в 1944 г. изменения в социально-профессиональной структуре тувинского общества шли очень интенсивно, поступательно росла образовательная и трудовая активность женщин. Статистические данные показывают, что в первое десятилетие советского периода истории Тувы женщины по уровню образования не только сравнялись к мужчинам, но и начали опережать их.

По переписи 1959 г. высшее образование имели 779 мужчин, 829 женщин, женщины также лидировали на уровнях незаконченного высшего и среднего образования. Перепись зафиксировала ситуацию, когда мужчин, имевших более низкие уровни образования, было гораздо больше, чем женщин: начальное и незаконченное семилетнее имели 20 249 мужчин и 16 582 женщин [[Народное хозяйство 1967: 6](#)]. Это станет устойчивой тенденцией на протяжении всего советского периода и не изменится и в постсоветское время, что подтверждается материалами последующих переписей [[Народное хозяйство 1981: 7](#)].

В XXI в. степень разрыва в образовательном уровне в пользу женщин в Туве усугубляется, и это, как выше указано, — мировой и российский тренд. Всероссийская перепись населения 2002 г. показала повышение уровня образования всего населения республики по сравнению с переписью 1989 г., вместе с тем гендерная дифференциация по уровню образования усиливается: если в 1989 г. мужчин с высшим образованием на 1 000 чел. было 69, а женщин — 89, то в 2002 г. мужчин на 1 000 чел. — 85, женщин — 129. В цифровом выражении: в 1989 г. 6 724 мужчины с высшим образованием, женщин — 9 151, в 2002 г. мужчин — 8 485, женщин — 15 048 [[Об итогах ВПН 2002: 4](#)]. Женщины также сохраняют лидерство на уровнях незаконченного высшего и среднего профессионального образования.

Всероссийская перепись населения, проведенная в 2010 г., демонстрирует дальнейшее углубление пропасти между мужчинами и женщинами по уровню образования: мужчин с высшим образованием — 10 547, женщин — 22 655 [[ВПН 2010](#)].

Несмотря на равные возможности получения профессионального образования и социальные лифты советской системы, многие мужчины, получив определенный уровень образования — начальное или среднее профессиональное, общее среднее, — приступали к трудовой активности. Как указывалось в материалах экспедиций Тувинского социологического отряда 1977–1979 гг.², в ходе кото-

² Экспедиция была проведена отделом социологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР совместно с Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории.

рых проведено социологическое обследование по комплексной методике более чем 4 тыс. человек в трудоспособном возрасте в городской и сельской местности Тувинской АССР, изменение социально-профессиональной структуры городского и сельского населения Тувинской АССР связано с расширением структуры предложения рабочих мест и притоком населения в города и рабочие поселки [Очерки 1983: 109].

Активно шла индустриализация республики, росло количество занятых в разных отраслях народного хозяйства. Как отмечали исследователи, «темпы структурных сдвигов среди населения Тувинской АССР в 3,3 раза были выше, чем по РСФСР, почти в 7 раз выше, чем в соседней Хакасской автономной области. Высокие темпы изменений наблюдались и в Якутской АССР, хотя и на 30 % ниже, чем в Туве» [Очерки 1983: 90]. Создавались крупные индустриальные объекты «Туваасбест», «Тувакобальт», предприятия строительной индустрии, угольной, энергетической, цветной, пищевой и других отраслей промышленности [Гребнев 1981: 94]. Эти процессы требовали количественного расширения рабочего класса.

Эту ситуацию четко выразила одна из респонденток в ходе глубинного интервью, проведенного автором в январе 2021 г. в Кызыле: «Мужчина в Туве советского времени в любом месте, с любым образованием и без него мог найти работу, зарабатывать и кормить свою семью. Поэтому им не нужно было стремиться к высшему образованию. Мой муж таким же образом не получил профессионального образования — он работал. Сожалею, что в свое время не заставила его учиться» [ПИМА 2021: 1].

В постсоветский период получение высшего и среднего профессионального образования стало зависеть во многом от финансовых возможностей родителей, стало малодоступным для детей тех, кто потерял работу и источники дохода в результате разрушения хозяйственного и промышленного комплекса. В условиях многодетности тувинских семей даже в рамках одной семьи не все дети равномерно получали профессиональное образование, приоритет в обучении детей отдавался девочкам. Данная тенденция сильна и сейчас. «К вопросам образования девочек в тувинских

семьях относятся по-особому, с большим вниманием, нежели к образованию мальчиков. Причем этот неравный подход начинается на уровне детского сада: по детским мероприятиям мы видим, что в девочек финансово вкладывают больше, чем в мальчиков. Это продолжается и в школе. Семьи, даже будучи небогатыми, не жалеют средств на оплату дополнительного образования девочек: балет, гимнастика, обучение музыке. Мальчики довольствуются тем, что есть. Сегодня именно обучению и воспитанию мальчиков нужно уделять гораздо больше внимания», — так описывает ситуацию участница глубинного интервью [ПМА 2021: 2].

В настоящее время именно уровень образования позволяет женщинам Тувы повышать свой профессиональный статус и роль в экономике республики. Для формирования более гармоничного с гендерной точки зрения общества необходимы специальные меры в системе общего образования: например, сохранение в школе контингента учащихся-мальчиков после 9 класса, мотивационные мероприятия, разработка для мальчиков индивидуальных образовательных траекторий. Необходима и работа с родителями — получение юношами и мужчинами более высокого уровня профессионального образования должно стать одной из целей семейной политики в регионе. В ином случае диспропорции будут только нарастать и не только по формальному признаку уровня образования мужчин и женщин, а, как следствие, дисбаланс будет и в доходах, и социальной мобильности, и в социальном статусе мужчин и женщин, что в конечном итоге может привести к дисфункции семьи: утрате гендерного уклада, при котором мужчины выполняют роль «добытчика», «кормильца семьи», и приобретению женщинами все более маскулинных моделей поведения.

Профессиональный статус

В рамках данной статьи нам важно было проанализировать профессиональный статус мужчин и женщин как крупных социально-демографических общностей в их динамике, обусловленной социально-политическими, экономическими условиями тувинского общества. Рассмотренные выше факторы занятости, уровня образования влияют на различия и в социальном статусе мужчин и женщин в тувинских браках.

Для выявления гомогамности или гетерогамности семей по признаку социального статуса нами были учтены два показателя: занятость (работает/не работает), должностные позиции в организации, которые занимают муж и жена. При сравнении профессионального статуса супругов, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018 г. и исследования ФНИСЦ РАН, проведенного в 2019 г. в Туве, выделяются три типа семей: 1) семья, в которой профессиональный статус у мужчины выше, чем у женщины; 2) семья, в которой профессиональный статус у женщины выше, чем у мужчины; 3) семья, в которой мужчина и женщина имеют равный профессиональный статус. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, 57,6 % обследованных российских семей относится к первому типу — статус у мужчины выше, чем у женщины, 25,1 % — ко второму типу (статус у женщины выше, чем у мужчины) и 17,3 % семей составляют третий тип — мужчина и женщина имеют равный статус.

В Туве анализ данных, собранных в ходе указанного исследования ФНИСЦ РАН, показывает достаточно сильное отклонение от российских показателей по базе РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018 г.: к первому типу семей, в которых у мужчины статус выше, чем у женщины, относится 19,3 %, ко второму типу, в котором женщина имеет более высокий статус, чем мужчина, относится 42,7 % семей, равный статус имеют мужчины и женщины в 37,6 % обследованных семей. Таким образом, в обследованных российских супружеских парах, вошедших в РМЭЗ 2018 г., по социальному статусу лидируют мужчины, в Туве — женщины.

У каждого народа есть исторически сложившиеся архетипические роли мужчин и женщин в семье, которые отражают этнические, религиозные, культурные, хозяйственно-экономические особенности этого народа. У тувинцев, как и во многих культурах народов России, в семье традиционно главенствующую роль играл мужчина.

Сжавшийся в постсоветский период рынок труда оказал драматическое влияние на статусное распределение между супругами в семье. Ситуация, когда в 42 % обследованных тувинских семьях женщины имеют более высокий профессиональный статус, может

приводить к ролевому конфликту. Мужчине затруднительно сохранять за собой роль и статус главы семьи, когда он зарабатывает меньше, чем женщина, или не работает и не приносит дохода в семейный бюджет. Такие семьи относятся к переходным моделям.

В социологической литературе выделяют несколько типов российских семей: неопатриархальная, эгалитарная, советская, бикарьерная [Задворнова 2013: 32–40]. По типу ролевой организации в семье выделяют матриархатные, патриархатные семьи. Можно предположить, что, если женщина является «добытчиком» в семье или имеет более высокий доход по сравнению с мужчиной, то принятие решений, в том числе финансовых решений в экономике семьи все более переходит к женщине. И по критерию принятия решений и фактического главенства женщины, такие семьи можно назвать матриархатными.

Более высокий профессиональный статус и уровень доходов женщин в семье, отсутствие изменения в статусе незанятых мужчин в течение продолжительного времени может привести к той ситуации, которую исследователи описывают как «кризис маскулинности», «провал маскулинности» [Здравомыслова, Темкина 2000: 15–23; Кабайкина 2018: 308–311].

О кризисе маскулинности в привязке к профессиональной самореализации, занятости и состоятельности мужчин как кормильцев семьи писали отечественные исследователи (см.: [Тартаковская 2002: 112–127]).

Под «несостоявшейся маскулинностью» И. Н. Тартаковская понимает неудачи мужчин в сфере занятости, это синоним жизненного краха, и дальнейшая жизненная стратегия мужчин больше связана с пассивностью, пессимизмом, готовностью довольствоваться малым и нередко злоупотреблением алкоголем [Тартаковская 2002: 117].

С учетом этих факторов снижение профессионального статуса мужчины в семье представляет собой определенные социальные риски. В этой ситуации содержание работы центров занятости должно быть в корне пересмотрено, профессионального внимания требуют жизненные стратегии безработных мужчин, психологи-

ческий настрой и состояние, уровень их мотивации искать работу, готовность к трудовой мобильности, требующей при необходимости смены места жительства.

Уровень доходов

Вопросы занятости, активности мужчин и женщин на рынке труда, дифференцированной рыночной стоимости мужского и женского труда неизбежно ведут к вопросам соотношения доходов мужчины и женщины в семье. Как указывается в докладе ООН «Семьи в меняющемся мире» за 2019–2020 гг., во всем мире увеличивается количество экономически независимых женщин, тем не менее даже в развитых странах, где у женщин более стабильный заработок, на долю тех, кто живет с партнером-мужчиной, по-прежнему, как правило, приходится менее половины дохода семьи, и накапливают они еще меньшую долю имущества [Прогресс женщин 2019: 5]. В этом же докладе указывается на то, что продолжает существовать проблема «штрафа за материнство» в виде снижения уровня занятости и разрыва в оплате труда между женщинами с детьми и женщинами без детей [Прогресс женщин 2019: 5].

В России государственная статистика отслеживает такой показатель, как «отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин в %». Однако зарплата является лишь частью структуры доходов, она показывает доходы в формальном секторе экономики. По данным за октябрь 2019 г., по России этот показатель равнялся 72,1 %. Максимальные значения наблюдались в следующих субъектах РФ: 98,0 % — в Республике Алтай; 97,4 % — в Ингушетии, 91,0 % — в Калмыкии и 90,8 % в Республике Тыва. Наименьшие значения — в Мурманской (59,8 %) и Архангельской (62,4 %) областях. Примечательно то, что первую группу с максимальными значениями составляют экономически менее развитые регионы. Такая статистика малоинформативна и не показывает дифференциацию в уровне доходов между мужчинами и женщинами в семье.

Для анализа возможной разницы в уровне доходов в брачных парах на основе используемых в данной статье массивов данных мы разделили эти пары на четыре типа: 1) семья, в которой доход

у мужчины выше, чем у женщины; 2) семья, в которой доход у женщины выше, чем у мужчины; 3) семья, в которой мужчина и женщина имеют равный доход; 4) другое (семьи, не подпадающие под критерии вышеуказанных типов).

Анализ массива данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018 г. по брачным парам показывает, что в российских семьях доход мужа выше дохода жены в 58,0 % семей, доход жены превышает доход мужа в 20,5 % семей, доходы равны в 21,5 % брачных пар. Если провести анализ по аналогичному критерию данных, собранных сотрудниками ФНИСЦ РАН в Туве в 2019 г., мы видим, что доходы мужчин превышают доходы женщин в 38,4 % обследованных семей, а доходы женщин выше доходов мужчин в 46,2,6 % семей, идентичные значения зафиксированы в 5,2 % семей. В российских семьях мужчины имеют больший доход по сравнению с женщинами, в тувинских семьях — женщины.

Обследованная выборка в Туве показывает, что женщины не только более активны на рынке труда, имеют более высокий профессиональный статус, но и имеют более высокие доходы, чем мужчины.

Более низкий уровень доходов мужчины в условиях двухкарьерной семьи может приводить к ситуации, когда по договоренности супруги решают поддерживать карьеру женщины, поскольку уровень ее заработной платы выше или имеются перспективы карьерного продвижения. Мужчина либо берет отпуск по уходу за ребенком, либо уходит с работы и полностью сосредотачивается на домашнем хозяйстве, уходе за детьми. По обоюдному согласию супругов семья по сути становится однокарьерной, и это карьера женщины.

В ходе глубинных интервью, проведенных автором в январе 2021 г. в Республике Тыва, респонденты указывают на то, что данное явление становится все более распространенным в тувинских семьях: «Среди молодых тувинских семей мы все чаще наблюдаем такие случаи, когда жена работает, муж сидит дома с детьми, потому что жена зарабатывает больше и ее карьера важнее, чем малооплачиваемая работа мужа» [ПМА 2021: 3].

Это достаточно новое социальное явление, которое является результатом рационального выбора и трансформирует традиционные представления о статусно-ролевом распределении супругов в тувинской семье, согласно которым мужчина — добытчик и защитник, женщина — хранительница очага, жена, занимающаяся домашним хозяйством, мать, воспитывающая детей.

В научной литературе описано это явление — только с обратной стороны, когда женщина в семье отказывается от участия в рыночной трудовой активности из-за малооплачиваемости своего труда и посвящает себя домашнему хозяйству, воспитанию детей. Такое социальное явление называется гендерной дискриминацией по принципу сравнительной выгоды. Сам принцип заимствован из неоклассического экономического анализа. Как указывает В. Ефимова, «поскольку женщины обычно зарабатывают меньше мужчин, эффективное распределение семейного бюджета, времени предполагает, что выходить на рынок труда должен мужчина, а для женщины приоритетной остается сфера домашнего труда» [Ефимова 2013: 68].

В условиях, когда у женщины в тувинской семье уровень образования и иные факторы позволяют претендовать на работу с более высоким уровнем оплаты труда, в результате экономически целесообразного выбора мужчина отказывается от трудовой активности. Происходит своеобразная детрадиционализация семейных отношений. Несмотря на эмансипацию, тувинская женщина жила в рамках парадигмы, которая в исследовательской литературе называется «двойной занятостью» — занятостью на работе и в домашнем хозяйстве.

Современное смещение гендерных ролей в условиях однокарьерной семьи, где приоритет отдан работе женщины, приводит либо к полному отказу со стороны работающей женщины в участии в домашних работах и воспитании, уходе за детьми, что подразумевает принятие женщиной традиционной роли мужчины — добытчика, либо может привести к большей диспропорции или «тройной занятости», когда она работает на трех фронтах: профессиональная работа, быт, воспитание детей. Данный вопрос требует специального эмпирического исследования.

И в первом, и во втором варианте есть риски и вызовы для гармонии и стабильности семьи и брака. Как показывает О. Н. Калачикова, неудовлетворенность браком по причине конфликта ожиданий, продиктованных социальным стереотипом и реальной организацией семейной жизни, может быть источником нестабильности брака и более высокой инициативности женщин в расторжении союзов [Калачикова 2018: 76]. Такая ситуация может привести к потере авторитета мужчин в семье и обществе, расширению феминизации рынка труда, воспроизводству в будущих поколениях в большей степени матриархальной модели семьи.

Заключение

Мы являемся свидетелями того, как современный мир, несмотря на глобальные процессы, разнообразен и противоречив и масштабы гендерного разрыва варьируются в зависимости от исторических, политических, социокультурных, религиозных предпосылок в каждой стране, в каждом регионе.

Дифференциация в показателях занятости, доходов между женщинами и мужчинами, равно как и в показателях социальной мобильности зависит не только от уровня образования, наличия или отсутствия желания работать, но в большей степени от экономического развития региона, от наличия рабочих мест на региональном рынке труда. Тот факт, что в 26 % обследованных в Туве семей работает только женщина, в большей степени свидетельствует о том, что нет доступных массовых рабочих мест для мужчин, особенно в сельской местности. Роль незанятых мужчин в семье становится более гибкой — это и вовлеченное отцовство, большая степень участия в домашней работе и воспитании детей.

В ходе анализа были показаны такие региональные особенности, как, например, более высокий профессиональный статус и доход женщин по сравнению с мужчинами в тувинских семьях. С одной стороны, это свидетельствует об огромном женском потенциале для развития общества, отсутствии половой сегрегации на массовом рынке труда, с другой — эти новые гендерные асимметрии в тувинской семье несут в себе потенциальные социальные риски, почву для дальнейшего углубления гендерного неравенства и дисфункции семьи.

Полевой материал автора

- ПМА 2021: 1 — Женщина, 1957 г. р. Запись в г. Кызыле в 2021 г.
ПМА 2021: 2 — Женщина, 1952 г. р. Запись в г. Кызыле в 2021 г.
ПМА 2021: 3 — Женщина, 1958 г. р. Запись в г. Кызыле в 2021 г.

Литература

- Барсукова, Радаев 2000 — *Барсукова С. Ю., Радаев В. В.* Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской среде // Мир России. 2000. № 4. С. 65–102.
- ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения – 2010 [электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39102> (дата обращения: 11.01.2021).
- Галкина 2015 — *Галкина Д. В.* Трансформация современной российской семьи, ее структурные и функциональные проявления // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. Ч. 2. Краснодар, 2015. С. 109–113.
- Галиева 2010 — *Галиева Г. И.* Татарская семья в демографическом изменении (этнорегиональный аспект): автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2010. 23 с.
- Горина 2019 — *Горина Т. И.* Методологические основы исследования проблематики бедности в Республике Тыва [электронный ресурс] // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2019. № 3. Особенности социальной стратификации в Республике Тыва. С. 18–28. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=7696> (дата обращения: 22.12.2020). DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.2>
- Гребнев 1981 — *Гребнев Л. В.* Социальная структура населения Тувинской АССР в период развитого социализма // По пути Великого Октября. Кызыл: Тув. кн. изд-во. 1981. С. 85–104.
- Гуриева, Белова 2019 — *Гуриева С. Д., Белова О. Е.* «Стеклянный потолок» в профессиональной карьере женщин // Научные труды Кубанского государственного технического университета. 2019. № 4. С. 769–773.
- Гурко, Мамиконян 2018 — *Гурко Т. А., Мамиконян М. С.* Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами // Вестник Института социологии. 2018. № 4. Т. 9. С. 193–226.
- Гурко, Тарченко 2019 — *Гурко Т. А., Тарченко В. С.* Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 102–113.

- Доброхлеб, Баллаева 2018 — *Доброхлеб В. Г., Баллаева Е. А.* Семья перед лицом новых социальных вызовов // *Народонаселение*. Т. 21. № 2. 2018. С. 60–68.
- Ефимова 2013 — *Ефимова В.* Гендерная дискриминация на российском рынке труда: формы проявления, факторы, результаты // *Вестник Института экономики РАН*. 2013, № 5. С. 67–75.
- Задворнова 2013 — *Задворнова Ю. С.* Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 2 (67). С. 32–40.
- Задворнова 2014 — *Задворнова Ю. С.* Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1. С. 51–58.
- Здравомыслова, Темкина 2009 — *Здравомыслова Е., Темкина А.* Ушел ли в прошлое патриархат? Специфическая власть «слабого пола»? // *Гендер для «чайников» – 2* / Фонд имени Генриха Бёлля. М.: Звенья. 2009. С. 25–41.
- Иванова, Устинова 2016 — *Иванова Т. Н., Устинова М. В.* Трансформация супружеских ролей в условиях глобализации // *Карельский научный журнал*. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 148–152.
- Кабайкина 2018 — *Кабайкина О. В.* Трансформация маскулинности в XXI веке: необратимое явление или закономерный процесс // *Социолог 2.0.: трансформация профессии*. Мат-лы VIII междунар. социолог. Грушинской конф. (г. Москва, 18–19 апреля 2018 г.); ВЦИОМ, Финансовый университет при Правительстве РФ. М.: АО «ВЦИОМ», 2018. С. 308–311.
- Кабайкина, Сущенко 2017 — *Кабайкина О. В., Сущенко О. А.* Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе // *Вестник Московского университета*. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 140–155.
- Казенин, Козлов, Митрофанова 2020 — *Казенин К. И., Козлов В. А., Митрофанова Е. С.* Как изменения гендерных и межпоколенческих отношений влияют на демографическое поведение? Случай Ингушетии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 4. С. 342–365.
- Калачикова 2018 — *Калачикова О. Н.* Конфликт гендерных ролей и обязанностей: «тройная занятость» женщин как источник нестабильности брака // *Сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2018. С. 76–85.

- Карашпай и др. 2018 — *Карашпай С. М., Сат А. В., Сади С. С., Монгуш А. А.* Семейные ценности населения Республики Тыва // *Этносоциум*. 2018. № 9 (123). С. 45–48.
- Левая 2014 — *Левая Н. А.* Проблематика анализа кризиса семьи в работах современных социологов // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2014. № 2. С. 103–106.
- Мирошниченко 2007 — *Мирошниченко В. Н.* Функциональная трансформация семьи в современном российском обществе: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д, 2007. 27 с.
- Михайлова, Попова, Мигалкина 2020 — *Михайлова А. В., Попова Л. Н., Мигалкина С. Д.* Тенденции изменений в социальном институте брака в регионе (на примере Республики Саха (Якутия)) // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 8 (150). С. 76–83.
- Народное хозяйство 1967 — Народное хозяйство Тувинской АССР. Статистический сборник. Кызыл: Статистическое управление Тувинской АССР, 1967. 205 с.
- Народное хозяйство 1981 — Народное хозяйство Тувинской АССР в десятой пятилетке. Статистический сборник. Кызыл: Статистическое управление Тувинской АССР, 1981. 213 с.
- Об итогах ВПН 2002 — Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 года в Республике Тыва [электронный ресурс] // Управление Фед. службы госстатистики по Красноярскому краю, Республике Хакассия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39103> (дата обращения: 11.01.2021).
- Особенности социальной стратификации 2019 — Особенности социальной стратификации в Республике Тыва [электронный ресурс] // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2019. № 3. 71 с. / Институт социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7598 (дата обращения: 10.11.2019).
- Очерки 1983 — Очерки социального развития Тувинской АССР. Новосибирск: Наука, СО, 1983. 262 с.
- Прогресс женщин 2019 — Прогресс женщин мира в 2019–2020 годах. Краткое резюме (на рус. яз.). 2019 [электронный ресурс] // ООН. Женщины / Европа и Центральная Азия. Семьи в меняющемся мире. Прогресс женщин мира. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/digital-library/progress-of-the-worlds-women> (дата обращения: 15.12.2020). 28 с.
- Регионы России 2020 — Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 [электронный ресурс] // Федеральная служба госстатистики. С. 183, 185, 194. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 05.02.2021).

- РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018а — «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН [электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 15.12.2020).
- РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018б — «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН [электронный ресурс] // Данные обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ / НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/rlms/spss> (дата обращения: 15.12.2020).
- Рошин, Солнцев 2006 — *Рошин С. Ю., Солнцев С. А.* Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 49 с.
- Синельников 2015 — *Синельников А. В.* Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России: автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. М., 2015. 50 с.
- Тартаковская 2002 — *Тартаковская И. Н.* Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 112–125.
- Тензин 2018 — *Тензин Ч. М-Х.* Социальное положение мужчин и женщин Тувы // IV Центрально-азиатские исторические чтения «Пространство культур через призму единства и многообразия» (г. Кызыл, 20–23 сентября 2018 г.). Кызыл: Тув. гос. ун-т, 2018. С. 333–336.
- Тензин 2012 — *Тензин Ч. М-Х.* Гендерные исследования в Туве // Мир Центральной Азии – 3 / Правительство Республики Бурятия, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, Иркутск: Отгиск, 2012. С. 405–407.
- Тюрина 2002 — *Тюрина И. О.* Гендерные аспекты занятости и управления // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 138–142.
- Юбилейный статсборник 2014 — Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Тывастат, 2014. 208 с.
- Шепелева 2016 — *Шепелева Ю. Л.* Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 3. С. 240–245.